

Title	Казахское чиновничества Оренбургского ведомства : формирование и направление деятельности (XIX)
Author(s)	Султангалиева, Гулмира
Citation	Acta Slavica Iaponica, 27, 77-101
Issue Date	2009
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39583
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI27_004.pdf

Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX)

Гулмира Султангалиева

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Российские реформы XIX в., направленные на интеграцию Казахстана в состав империи, затронули многие сферы жизнедеятельности казахов. Введение административной, судебной, фискальной системы положило начало сложному процессу трансформации социально-политической жизни кочевого общества. Социальные институты хана, султанов, биев, старшин оказались в сфере интересов российской администрации. Для российского правительства важно было привлечь представителей казахской элиты на службу государю и правящей династии и через них получить каналы воздействия на казахское население и в конечном итоге – контроль над территорией казахских кочевий. Стратегия политики российской власти в данном направлении оказалась идентичной как для казахского кочевого общества, так и для остальных поданных империи.¹ Это – распространение на казахское кочевое общество петровской «Табели о рангах»,² в котором был заложен механизм получения чина и продвижения по служебной лестнице, льготы и привилегии, соответствующие положению чиновника Российской империи. К ним относились: подарки от высочайшего имени, награждение золотым или серебряным оружием, денежное премирование (выдача единовременной суммы); представление к престижным орденам и медалям или к новым чинам³; освобождение от налогообложения; назначение высочайшей благодар-

-
- 1 Инкорпорация представителей нерусских народов на государственную службу в контексте национальной политики имперской России представлена в исследовании немецкого ученого Андреас Каппелера. *Каппелер Андреас*. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад (перевод с нем. яз. С. Червонная). М., 2000.
 - 2 История разработки Табели о рангах и изменение принципов чинопроизводства в сравнительном контексте с европейскими странами рассмотрена в монографии А.Н. Медушевского. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование. М., 1994.
 - 3 Определенную лепту в изучение системы военных, гражданских, придворных титулов и чинов и соответствовавших им мундиров и орденов в Российской империи (XVIII в. – 1917 г.) внес российский ученый Л.Е. Шепелев. См: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1991; *Он же.* Чиновный мир России: XVIII – начало XIX в. СПб., 2001.

ности и т. д. В изменившихся условиях XIX в. для представителей казахской знати также важно было сохранить свою власть и влияние, ибо теперь их место стало определяться не столько генеалогической принадлежностью к определенным кланам, а верностью присяге «царю и отечеству», личными способностями и умением привлечь свой род, отделение, или племя на службу империи.

В связи с этим важно рассмотреть эффективность политики российской власти в процессе кооптации представителей казахской элиты в сословие Российской империи – чиновничество и несколько султаны, бии, старшины, получившие новые должности, соответствовали поставленным задачам, и какие мотивы определяли их деятельность на государственной службе. Толчком к изучению данной проблемы способствовали результаты последних исторических работ в Казахстане и за рубежом, дающие материал для новых размышлений и исследований. Проблема чиновничества как раз фокусирует вопросы, которые являются объектами дискуссий таких проблем как верховная власть и управление многонациональной Российской империей, особенности политики центральных и региональных властей в национальных окраинах, степень вовлечения нерусских чиновников в подготовке и осуществлении административных реформ и т. д. Отталкиваясь от этой идеи, нами предпринята попытка изучения процесса инкорпорирования казахов Оренбургского ведомства⁴ (Младший жуз) в имперскую систему управления, функции и направления деятельности казахских чиновников, их образовательный уровень и социальное происхождение.

Первые административные реформы в Степи русской властью были апробированы на территории Младшего жуза, что естественно раньше включило их в процесс трансформации традиционной структуры и адаптации к новым изменениям и появления новых управленцев в лице влиятельных казахских султанов, старшин. В последней четверти XVIII в. симбирский и уфимский наместник О.А. Игельстром (1784–1792), предпринял попытку реформирования в Младшем жузе. В 1784 году в Оренбурге был образован Пограничный суд, в состав которого наряду с русскими офицерами вошли шесть казахских старшин и один султан. Этот суд должен был работать на основании общеимперских законов. В 1799 г. была создана Оренбургская пограничная комиссия, впервые вклю-

4 Территория Младшего и Среднего жузов до 20-х годов XIX в. находились в управлении Оренбургского губернатора. Реорганизация управления Средним жузом была предпринята в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» 1822 года. В состав Омской области Западно-сибирского губернаторства административно были подчинены земли Среднего жуза. Они получили название Области сибирских казахов. Эта область была разделена на внешние и внутренние округа, волости и аулы. 6 апреля 1838 г. было принято «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами».

чившая в штат заседателей от казахского населения.⁵ Региональные власти подчеркивали «полезную службу» казахских заседателей в реализации их политики, исполнение ими различных поручений Комиссии «...с усердием, деятельностью и честностью». За эту деятельность, казахские заседатели, по мнению Оренбургской администрации, заслуживали награды и внимание правительства.⁶ По сути, российские власти предпринимали шаги по превращению «поручений» и разных «услуг» в более или менее устойчивые обязанности для представителей казахской знати. Как на чиновников региональной администрации, на казахских заседателей составлялся формулярный (послужной) список о службе и достоинстве, что явилось кардинально новым принципом, отражающим начало процесса кооптации казахов на службу Российской империи и включения их в единую систему учета служащих всех уровней государственного управления. Одним из первых казахов-заседателей Оренбургской пограничной комиссии стал Тауке Айчуваков (ок. 1777 г.р.), находившийся на этой службе в течении 18 лет (1800–1818). В 1810 г. за оказанные «разные услуги» во время пребывания им на этой должности получил чин надворного советника.⁷

Административные реформы первой половины XIX в. в Казахской степи выдвинули на первый план представителей казахской знати, которые в поисках лучшей должности и содержания органично инкорпорировались в управленческую систему имперской России. В связи с этим возникает вопрос: представители казахской элиты, приобщаясь к атрибутам чиновника Российской империи, формировали в своем восприятии модель чиновника – русского или мусульманина? Ведь чиновник, исповедующий ту же религию, что и казахи, находясь на российской службе, являл собой пример сохранения своего влияния на сородичей, своего положения в обществе, имел уважение у правящей власти, получал материальные вознаграждения и т. д. Образцом для подражания, конечно, являлись татарские служащие,⁸ которые были рекрутированы на госу-

5 В 1799 г. Пограничный суд и Пограничная экспедиция были упразднены, а взамен была создана Пограничная комиссия, просуществовавшая до 1859 г. См.: *Абдрахманова Б.М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 22.

6 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII в двух частях. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. док. № 228. С. 65–66; док. № 215. С. 14–15; док. № 244. С. 136–137; док. № 264. С. 261–262; док. № 229. С. 69.

7 Там же. док. № 215. С. 14–15.

8 См.: *Султангалиева Г.С.* Татарские и башкирские служащие в казахской степи в XVIII–XIX вв. // *Этнопопарама*. Оренбург, 2000 г. № 3. С. 48–54; *Она же*. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов XVIII – начало XX в. Уфа, 2001; *Она же*. Переводчик Мендияр Бекчурин в Казахской степи: к вопросу взаимодействия тюркоязычных народов Российской империи (вторая половина XIX в.) // *Урал-Алтай: через века в*

дарственную службу еще в первой половине XVIII в., а в казахи спустя столетие, т. е. в первой половине XIX в. Именно татары⁹ в качестве переводчиков, толмачей участвовали в Оренбурге, Орске на всех переговорах казахских ханов, султанов и старшин с региональной администрацией. Более того, как представители русской власти они неоднократно выезжали в казахские кочевья и разрешали конфликтные ситуации, давали «наставления», знакомили казахское население с иной формой управления и т. д. Казахская знать была свидетелем того, что татарские переводчики, будучи чиновниками Оренбургской администрации, получали чины (коллежского ассесора, надворного советника, титулярного советника и т. д.), ордена (св. Анны, св. Станислава, св. Владимира и т. д.), и имели возможность войти в привилегированное сословие Российской империи – дворянство.¹⁰ К концу XIX в. по данным известного исследователя Д.И.

будущее. Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110 летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. Уфа, 2008. Т. II. С. 228–232; *Она же*. Каратоламач, штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // *Панорама Евразии*. 2008. № 2. С. 13–22.

- 9 Изучению коммуникативной роли татар Волго-Уральского региона посвящены работы: *Васильев А.В.* Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898; *Галиев В.З.* Татары-переводчики, путешественники и дипломаты // *Казан утлары [Огни Казани]*. 1975. № 1. С. 147–151; *Он же*. Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX вв.). Алматы, 1994; *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX вв. // *Культура, искусство татарского народа*. Казань, 1993. С. 125–131; *Косач Г.Г.* Город на стыке двух веков. Оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998; *Султангалиева Г.С.* Татарская диаспора в конфессиональных связях казахской степи XVIII–XIX // *Вестник Евразии*. М., 2000. № 4. С. 20–37; *Она же*. Сеитовский посад в новой истории Казахстана // *Из истории татар Оренбуржья* (к 260-летию Татарской Каргалы). Сборник материалов научно-практической конференции. Оренбург, 2005. С. 56–62; *Ремнев А.* Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. 2006. Т. 32. С. 238–277; *Он же*. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии*. М., 2006. № 4. С. 5–32.
- 10 К примеру, переводчики Оренбургской пограничной комиссии: Салих Биглов за 50 лет службы (1834–1884) был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени, знаками отличия беспорочной службы за 15, 20, 25 лет, бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. Прошел карьерный путь от коллежского регистратора до коллежского ассесора; Сулейман Батыршин за 25 лет службы (1842–1867) получил чин надворного советника, имел ордена Св. Станислава 3-й и 2-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, знаком отличия за беспорочную службу за 15 лет, бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 25, оп. 5, д. 245, л. 45–60; оп. 5, д. 245, л. 186–192; оп. 2, д. 117, л. 8–9; ф. 4, оп. 1, д. 2194, л. 47–49; д. 3128, л. 1–5; д. 3129, л. 1–5; д. 11; Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО), ф. 6, оп. 10, д. 5699, л. 180б.

Арапова, в России количество мусульман – потомственных и личных дворян и классных чиновников (с семьями) составляло 5% от общего числа дворян Империи.¹¹

Соответственно это наводит на размышления о том, что различные регионы и народы империи, сосуществуя хронологически одновременно, реально находились на разных этапах интеграции в политическое пространство империи. В связи с этим интерес представляют исследования, раскрывающие особенности управления регионами, постепенно включавшимися в единое административно-правовое поле полиэтнической империи, роли губернаторов, генерал-губернаторов, военных губернаторов в процессе их взаимодействия с верховной властью и представителями местных народов и т. д.¹²

В казахстанской историографии проблема функционирования традиционных властных институтов и ее трансформация под влиянием реформ первой половины XIX в. рассмотрена в работах С. Зиманова, Б. Абдрахмановой, К. Жиренчина, Ж. Джампеисовой и др.¹³ Раскрывая сущность новых административных реформ региональной администрации на казахское население, они рассмотрели модификации институтов султанов, биев, старшин. Вместе с тем они не уделили внимание процессу формирования нового сословия в казахском обществе – чиновничества, ставшим опознавательным признаком трансформации социальной структуры казахского общества.

-
- 11 Арапов Д.И. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. № 3. май-июнь. 1999. В исторической науке Татарстана и Башкортостана уже предпринимаются попытки изучения процесса формирования татарского и башкирского дворянства. Ильясова А.Я. Формирование башкирского дворянства // Национальные и языковые процессы в республике Башкортостан: история и современность. Информационный бюллетень. Уфа, 2006 С. 138–144; Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII в. (земледелие, социальный состав, служба). Уфа, 1999; Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999.
 - 12 Центральная Азия в составе Российской империи (ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова). М., 2008; Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск, 1998; Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999; Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66; Он же. Региональный нарратив в новой истории России // Этнопонорама. 2005. № 3–4. С. 35–43; Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 427–457.
 - 13 Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; Абдрахманова. История Казахстана; Джампеисова Ж. Функционирование традиционных и властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи. Автореферат на соискании ученой степени к.и.н. Алматы, 2004.

Первые казахские чиновники региональной администрации были и первой когортой казахов, получивших светское образование. Исходя из этого, важными для нас явились и исследования, посвященные изучению первой генерации казахской интеллигенции. Существенный вклад в изучение биографии первых казахских краеведов и первых казахских чиновников Оренбургского ведомства (братья Альмухамед и Тлеумухамед Сейдалины, Сейтжан Джантюрин, Бейбит Даулбаев, Мухаммед-гали Тяукин) внес Э.А. Масанов.¹⁴ Им систематизирован вклад первых казахских служащих в изучение истории и культуры казахского народа. Определенную лепту в изучение их научного наследия, восстановления биографических данных внесли Н. Масанов и Н. Ивлев, И.В. Ерофеева, В.З. Галиев.¹⁵

Существенным подспорьем в исследовании предлагаемой проблемы стало издание по программе «Культурное наследие» РК сборника документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах» в серии «История Казахстана в русских источниках» (2006), аккумулировавший послужные и формулярные списки казахов Оренбургского, Сибирского ведомств, Степного генерал-губернаторства.¹⁶ Опираясь на эти источники можно реконструировать основные направления деятельности казахских служащих, определить их статусный ранг, награды, имущественное положение, и т. д. Кроме этого, формулярные списки позволяют проследить и такой важный аспект, как тактические действия русской власти в Степи, ибо казахские служащие неоднократно командировались в ту или иную часть казахских кочевий, где осуществляли задачи, поставленные перед ними региональной администрацией.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

С середины XVIII в. оренбургская администрация начала сбор сведений о влиятельных казахах, которые были бы «...достойны службы» и полезны «...для исполнения предначертаний правительства по делам ордынским» и стали бы социальной опорой, надежными партнерами и проводниками политики царизма в Степи.¹⁷ Сведения о казахах собирали чиновники разных рангов Оренбургской администрации, участвующие

14 Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966.

15 Ивлев Н., Масанов Н. Видный казахский ученый С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 4. С. 60–65; Ерофеева И.В. Т. Сейдалин – просветитель, этнограф, правовед // Новое поколение. 1993. № 20–21 от 4 и 11 августа. С. 6–7; Галиев В.З. Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX вв.). Алматы: Атамұра, 1994.

16 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827–9 августа 1917 гг. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII. Ч. 2. Алматы, 2006. 962 с.

17 ЦГА РК ф. 4, оп. 1, д. 2512, л. 22.

во всех административных мероприятиях в Степи. Сохранились представления и донесения о казахах, которых можно привлечь на службу чиновника особых поручений В.М. Лазаревского, губернских секретарей канцелярии Оренбургской губернии Г.Ф. Лукина, М.Н. Житкова, коллежского секретаря Абдулкадыр Субханкулова, попечителей прилинейных казахов Оренбургского ведомства А. Шершеневич, М.Ш. Аитов, Т.П. Редькин, Г.Ф. Костырко, письмоводители при султанах правителях К.Ф. Груздь, Г.П. Полворотов и др. Чиновники региональной администрации в своих докладных включали только представителей казахской элиты (султанов, известных биев и старшин). Это связано с тем, что в сословной имперской России избрание на государственную службу и соответственно определение в табельный чин предполагало принадлежность кандидатов к привилегированным группам. Исходя из этого отслеживались следующие критерии для привлечения казахов на службу: социальное происхождение, знание татарского и русского языков; степень знакомства с приграничными русскими жителями и наконец такие качества как «...честолюбие и желание отличиться».¹⁸ В эти списки включались казахи, которые уже находились на службе, так и те, кто мог бы быть привлечен к исполнению «...различных поручений и полезных предначертаний правительства» в Степи и пользовался «...особым доверием, уважением» у своих соплеменников и мог содействовать региональной власти «...своими родственными связями».¹⁹

В донесения чиновников Оренбургской администрации вводились и казахи, которые «преданы правительству, но службу не ищут, предпочитая ей хозяйственные заботы»,²⁰ или же казахи, «кои известны с невыгодной стороны» и которых нежелательно привлекать к службе.²¹

Оренбургская администрация, собирая сведения о казахах, проводила своеобразный мониторинг их деятельности, личных качеств, способностей, круга общения и составляла, таким образом, резервную базу казахского чиновничества. Самое главное мерило для кооптации представителей казахского народа на службу – «преданность русской власти», «исполнительность» и «усердие» в делах. При наличии этих условий их

18 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 245. С. 151.

19 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 3647, л. 23–25; д. 2512, л. 23–25 (док. № 241. С. 97).

20 Так доносил в 1850 г. чиновник особых поручений В.М. Лазаревский председателю Оренбургской пограничной комиссии о султанине Джангер Кундрауове. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 244. С. 133.

21 Попечитель прилинейных оренбургских казахов, коллежский ассесор Г.Ф. Костырко представил председателю Пограничной комиссии М.В. Ладыженскому фамилии казахов, которых нежелательно привлекать к службе. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 242. С. 101–102.

утверждали в должности, назначали определенное жалования, льготы и привилегии.

Следующий шаг российских властей в формировании казахского чиновничества подготовка управленцев, знающих татарский и русский языки. Не случайно в открывавшихся учебных заведений уделялось большое внимание лингвистической подготовке учащихся, а именно изучению восточных языков (татарский, арабский, персидский) и русской словесности. Включение в программу обучения будущих казахских чиновников татарского языка оставалось важным до середины XIX в. Русские власти мотивировали свое мнение тем, что молодой казах, выпущенный из стен учебного заведения и не знавший татарскую грамоту, будет «менее полезен, как в быту, так и по службе». Тем более, что к 40-м годам XIX в. татарский язык на арабской графике стал официальным языком в делопроизводстве казахской степи, более того, по словам современника «единственным пока письменным проводником мыслей, сведений, знаний».²²

Первым учебным заведением для казахов Оренбургского ведомства стало Неплюевское военное училище (1825 г.), переименованное в 1844 г. в кадетский корпус. С 1825–1866 г. это учебное заведение окончило 37 казахов, из них: сыновей султанов – 21, биев – 2, остальные выпускники были детьми известных и влиятельных старшин. Большинство казахских детей было из Внутренней Орды (14 человек) и Восточной части орды Оренбургского ведомства (10 чел.), меньше были представлены лица из Западной и Средней части.²³ Из выпускников кадетского корпуса чиновниками Оренбургского ведомства стали братья Альмухамед и Тлеумухамед Сейдалины, М. Тяукин, С. Джантюрин, Ш. Шигаев и др.²⁴ Казахские юноши выпускались из кадетских корпусов в обер-офицерских чинах (от капитана до прапорщика). Султан Альмухамед Сейдалин, как выпускник Оренбургского кадетского корпуса 1855 г. получил первый офицерский чин прапорщика (XIV класс), что стало отправной точкой для получения следующих чинов: прапорщика, подпоручика, поручика, штабс-ротмистра и ротмистра армейской кавалерии, что явилось отражением социальной характеристики чиновника Российской империи, и новым явлением в осознании казахами представителя русской власти в лице их соплеменника.²⁵

Потребность в образованных чиновниках постепенно росла, что связано было с созданием новых административно-территориальных единиц в Степи и соответственно аппарата управления. Решению этой задачи должна была способствовать школа для подготовки писемоводителей

22 Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. С. 250.

23 ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1602, л. 6.

24 ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 2166, л. 1–2.

25 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2879, л. 1–4.

при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869 гг.).²⁶ До выпуска первых грамотных письмоводителей из представителей казахского народа правительство издало указ «О временном допущении лиц свободного состояния к занятию письмоводством до подготовки письмоводителей из воспитанников Оренбургской киргизской школы» (1846).²⁷ 22 августа 1850 г. **начались занятия первых 30-ти детей, записанных в школу.** Образование было элитарным: 11 человек – дети султанов, 5 – биев, остальные – почетных казахов, известных старшин.²⁸ Это не случайно, так как представители казахской знати в рамках нового времени понимали, что образование – важный фактор в сохранении своего влияния и права на власть, но уже в новой форме. Хотя, в последующем выпускники школы устроились письмоводителями при султанах-правителях, дистаночных начальниках, стали канцелярскими служащими 3-го разряда при региональной администрации (И. Джаксыбаев, И. Тлеугабылов), волостными управителями (Абилъ Тюлькубаев) и т. д.,²⁹ проблема обеспечения местной администрации казахскими служащими, способными вести делопроизводство на русском языке оставалась острой. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин (1857–1860) в своем докладе в Министерство иностранных дел подчеркивал, что «день ото дня ощутительнее» недостаток хорошо подготовленных к службе чиновников в Степи. Казахская школа при Пограничной комиссии не оправдала надежды региональной администрации по подготовке казахских писарей. Во-первых, контингент учащихся был минимальный – 30 человек, а во-вторых, осуществлялся прием только казахских детей, следствием которого стало только теоретическое знание русского языка.³⁰ Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Григорьев (1854–1859) подготовил «Записку об увеличении числа воспитанников в школе киргизских /казахских – Г.С./ детей при Оренбургской пограничной комиссии». Содержание «Записки» отражало основное требование региональной власти – подготовить «большее число полезных людей для занятия должностей по пограничному управлению», предоставленных казахам. Но самое важное в ней то, что В. Григорьев, рассуждая о перспективе развития казахской школы, впервые поставил вопрос о превращении ее в русско-казахскую, ибо непосредственное общение казахских детей с русскими воспитанниками быстрее позволит получить больше «познаний в разговорном русском языке».³¹ Как мы видим, из необходимости подготовки казахских служащих и обес-

26 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), т. 19, С. 399.

27 Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 246.

28 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2557, л. 37.

29 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 256, л. 9–12; д. 846, л. 22–27; д. 833, л. 64.

30 ПСЗ РИ, т. 34, № 34374, С. 357.

31 См. Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения. Алма-Ата, 1965. С. 52–55.

печения нужд местной администрации появился прообраз русско-казахских школ. О целенаправленной деятельности российского правительства в этом направлении свидетельствует Положение «Об учреждении школ в области Зауральских киргизов», изданное Комитетом Министров от 9 февраля 1860 года.³² В преамбуле данного документа указывалась основная причина открытия школ в Степи – подготовка казахских служащих для нужд Оренбургской администрации. В 1860 г. открылись школы при укреплениях (Оренбургское, Уральское), форт Перовском № 1 (на Сырдарьинской линии), а в 1861 еще одна школа в Троицке для казахов Восточной части орды.³³

В 60-х годах XIX в. с завершением присоединения Казахстана к Российской империи, укреплением политических позиций российского правительства в Степи и постановкой новых задач перед русской властью встал вопрос о введении делопроизводства в Степи на русском языке и о приоритетном значении русского языка в учебных заведениях для казахских детей. Татарский язык стал рассматриваться как один из мощных инструментов «татарского» влияния, поэтому разрабатывались тезисы о «защите» казахского языка на переходном этапе к последующей русификации и христианизации казахского населения. Вместе с тем между представителями различных структур региональной власти не было единодушия по вопросу о роли татарского языка в казахском обществе. Военный губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек (1869–1877) открыто выразил несогласие с мнением попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова и миссионера Н.И. Ильминского о необходимости «усиления русского влияния» посредством искоренения татарского языка. Л. Баллюзек считал на данном этапе татарский язык «более удобным проводником полезных сведений, познаний и воззрений» для казахского населения, чем русский алфавит, «знакомый пока ничтожному проценту» грамотных казахов.³⁴ Лучший пример, на взгляд региональной администрации, являли собой выпускники Оренбургского кадетского корпуса, султаны Сейдалины, которые «без знания татарского языка не могли бы быть столь полезны, как ныне».³⁵

Правительственный документ «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870) положил начало созданию учебных заведений нового типа – русско-казахских, обучение казахских детей русскому языку и в конечном итоге организации делопроизводства в Степи на русском языке.

Согласно «Временному положению об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским ген-губернаторством» от 21 октября 1868 г. пись-

32 ПСЗ РИ, т. 35, № 35428.

33 ПСЗ РИ, т. 36, № 36565.

34 ГАОРО, ф. 6, оп. 10, д. 8330, л. 5–10.

35 ГАОРО, ф. 6, оп. 10, д. 1400, л. 28.

моводителем мог быть только казах или русский, знающий казахский язык.³⁶ Логическим продолжением данного направления политики российской власти стало распоряжение правительства от 1876 года о замене татарских письмоводителей казахами, способными вести делопроизводство на русском языке.³⁷ Кроме того, для привлечения казахов, знающих русский язык, на должность письмоводителей при волостных правителях региональная администрация разработала систему поощрений за службу: награждение медалями, похвальными листами и ценными подарками.³⁸ Уездные начальники Тургайской области составили именные списки казахов, обучавшихся в русских учебных заведениях на 1883 г. Их численность составила 81 казахских юношей. Из них предполагалось составить контингент учителей русского языка для обучения своих соплеменников.³⁹

Таким образом, в первой половины XIX в. российское правительство законодательно стимулировало и создавало определенные условия (должности в среднем и низшем звене управления, поощрения материального и морального порядка, открытие учебных заведений и т. д.), которые в совокупности обозначили процесс складывания казахского чиновничества.

Султаны-правители – чиновники Российской империи

В 1824 г. был введен новый порядок управления в казахских землях Младшего жуза, законодательно отразившийся в документе «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем». Территория казахских земель Младшего жуза была разделена на три части: Восточная, Средняя, Западная, во главе которых были назначены султаны-правители, а ханская власть отменена. Административные реформы 20-х годов XIX в. признали и законодательно закрепили права султанов как единственных носителей власти в кочевом обществе и наиболее организованную и влиятельную социальную группу в практической реализации политических замыслов русской власти. В августе 1824 года были назначены султаны правители, которым были вручены символические знаки власти – знамя с императорским гербом, золотые сабли и специальные инструкции, которыми они должны были руководствоваться при управлении вверенными им частями. Султан-правитель получал чин майора российской службы (чин VIII класса) и считался чиновником, поставленным во главе местного правления. Наделение султанов-правителей исполнительной властью в среднем

36 Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 83.

37 ГАОРО, ф. 6, оп. 8, д. 13, л. 3.

38 ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 592, л. 17.

39 ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 2022, л. 91.

звене управления от русского правительства, назначение им жалование, сумма которого в год составляла 1200 рублей серебром, дополнительно 60 четвертей муки, а при выходе в отставку пожизненной пенсии,⁴⁰ превращало их в служилых чиновников Российской империи. На каждого султана-правителя составлялся формулярный список и аттестат о службе. К примеру, султану-правителю Восточной части оренбургских казахов Мухаммед Джантюрину, уволенному в отставку в чине полковника, 17 ноября 1869г был выдан аттестат о службе как российскому чиновнику, включавший его награды и должности, которые он занимал на протяжении 28 лет. Этот аттестат стал своеобразным «паспортом» для свободного перемещения и проживания его в любой точке Российской империи.⁴¹

За 1824–1869 гг. на должности султана-правителя казахов Оренбургского ведомства находились 16 человек. Все они из поколения хана Младшего жуза Абулхаира (1693–1748). На первом этапе внедрения института султаната (1824–1834) наблюдалась частая смена султанов-правителей. Региональная администрация отмечала в этот период бездеятельность и игнорирование «предписаний начальства» султанами- правителями, медлительность, непоследовательность в их действиях при управлении подведомственными им казахами. Особенно это ярко проявилось в управлении Средней части казахов Оренбургского ведомства, где за два года (1824–1826) сменилось три султана-правителя (султаны Темир Ералиев, Мати Мухамметгалиев, Медетгали Турдалиев). Вероятно это было связано с незавершенностью Правил 1824 года, которые ограничивались только общим принципом устройства управления казахов Оренбургского ведомства, но не определяли функции, направление деятельности всех звеньев управления.

К середине 30-х годов XIX в. картина изменилась. Баймухамед Айчуваков управлял Западной частью казахов Оренбургского ведомства 17 лет (1830–1847), а Мухамметгали Тяукин – 20 лет, а остальные султаны-правители находились на должности не менее 10 лет. Существенным фактором в стабилизации ситуации явилось два момента. 1. Функциональные обязанности султанов-правителей были конкретизированы в «Положения об управлении Оренбургскими киргизами» от 1844 г. Содержание их деятельности включала следующие направления: тщательное отслеживание поведения казахского населения и внушение им «...всегдашней верности и послушания правительству»; сбор «вернейших сведений» о численности населения во вверенной им части, числе кибиток и скота; своевременное исполнение поручений региональной администрации как «при сборе денег, так и в других случаях, требующих особой поспешности и отчетливости».⁴² Канцелярию каждого султана-правителя вели

40 Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1900–1902. С. 324.

41 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 259, л. 9.

42 ГАОрО, ф. 6, оп. 8, д. 13, л. 3.

письмоводители в количестве четырех человек с жалованьем – 300 рублей в год.

2. В 40–50-х годах XIX в. на должность султанов-правителей пришли лица, которые уже имели опыт управления казахским населением, опыт взаимодействия с региональной администрацией, круг общения с русскими чиновниками, понимание определенных требований, предъявляемых русской властью к казахским управленцам. Так, Мухамеджан Джантюрин (с 1841 г.), Мухаметгали Тяукин (с 1845 г.) являлись помощниками султанов-правителей, Ахмет Джантюрин (с 1830 г.) – начальником 9-й дистанции и т. д. К тому же региональная администрация уже знала возможности тех или иных претендентов на должность султанов-правителей. По сути, это были их выдвиженцы. Так, в 1846 г. Пограничная комиссия, представляя к награждению казахских чиновников, писала, что по честности, объективности и интеллектуальному потенциалу М. Тяукин «...бесспорно лучший из помощников и со временем из него может выйти отличный правитель».⁴³ Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, представляя в 1855 году кандидатуру Мухамеджана Баймухаммедова на должность султана-правителя Средней части, писал о нем, как уже сформировавшемся чиновнике, который «хорошо знает порядок нашего делопроизводства», самое главное «привычный к управлению», успешно выполнявший неоднократные поручения Оренбургской администрации.⁴⁴

Немаловажное значение на данном этапе имело и то, что должность султана-правителя занимали лица, уже имеющие определенные чины государственной службы Российской империи. Так, М. Баймухамедов к моменту назначения на должность султана-правителя уже имел чин подполковника, 14-летний опыт управления в качестве начальника 8-й дистанции, затем помощника султана-правителя Средней части.⁴⁵

Существенным фактором в организации делопроизводства султанами-правителями и своевременном исполнении ими распоряжений русской власти имел образовательный фактор. Если на первом этапе у султанов-правителей обнаруживали «...общую груду бумаг, большей частью вовсе не исполненных»,⁴⁶ то в последующем картина поменялась. Объяснение этому находим в формулярных списках султанов-правителей, занимавшие эти должности с середины 30-х годов до 1869 г. Все они хорошо знали не только татарский, но и русский язык. Более того, султаны-правители (М. Тяукин, А. Сейдалин) были выпускники Оренбургского ка-

43 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 228. С. 67.

44 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2745, л. 1–2.

45 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 330. С. 368–374.

46 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 490, л. 1а (об).

детского корпуса. Примером для многих соплеменников и региональной администрации стала служба султана-правителя Восточной части, Ахмета Джантюрина (1810–1851 гг.). Он самостоятельно выучил русский язык и как подчеркивали современники, свободно овладел как разговорным, так и письменным русским языком. Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс считал, что по интеллектуальным способностям, взглядам на жизнь и судьбу своего народа А. Джантюрин стоял выше многих представителей казахской знати в Младшем и Среднем жузах.⁴⁷ Его организаторские способности, справедливость способствовали тому, что в «...вверенной ему части» наблюдалось «спокойствие и отсутствие барымты».⁴⁸

С 30-х годов XIX в. стали складываться семейные династии султанов-правителей. К примеру, Баймухаммет Айчуаков был султаном-правителем Западной части, а его сын М. Баймухамедов стал султаном-правителем Средней части; братья Джантюрины (Ахмет, Мухаммед, Араслан) управляли в Восточной и Средней частях.

Одним из критериев принадлежности султанов-правителей к привилегированному чиновничеству явилось вхождение их в высшее сословие Российской империи – дворянство. По сути, они положили начало формированию казахского дворянства.⁴⁹ Так, за свою успешную службу султаны-правители Баймухамед Айчуаков и Мухаметжан Баймухамедов получили чин генерал-майора, а Мухаммед-Гали Тяукин – чин полковника и соответственно потомственное дворянство.⁵⁰ В послужном списке Музаффара (1870 г.р.), сына султана-правителя Западной части области оренбургских казахов Мухамедгали Тяукина, отмечено, что он из династии потомственных дворян Оренбургской губернии.⁵¹ По сути, султаны-правители получали чины и соответствующее положение в русском истеблишменте.

Перерождение султанов-правителей в чиновников государства, успешно реализованное на практике, привело к потере султанами своего места в структуре традиционного казахского социума. С введением «Временного положения об управлении Оренбургским и Западно-Си-

47 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 228. С. 67.

48 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 257, л. 1–1об.

49 Согласно подсчетам историка Ерофеевой И.В. к концу XIX в. среди казахского населения насчитывалось 876 потомственных и 94 личных дворян, в том числе первых 752 и 51 вторых в Степном Казахстане, а в Туркестанском крае соответственно – 123 и 43. Удельный вес потомственных дворян-казахов составил 7,3% общей численности всего российского потомственного дворянства, проживавшего на территории Казахстана и Средней Азии. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культура. Алматы, 2000. С. 182.

50 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 71, л. 1–22; ф. 4, оп. 1, д. 2303, л. 34–53.

51 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 848, л. 1–3.

бирским ген-губернаторством» от 21 октября 1868 г. султаны-правители, как должностные лица, остались в штате Тургайского и Уральского областных правлений. К примеру, султан-правитель Западной части, Альмухамед Сейдалин был переведен на должность судьи Николаевского уезда Тургайской области. При этом военный губернатор Тургайской области Л. Баллюзек (1869–1877) писал, что карьерный успех А. Сейдалина должен быть примером для соплеменников, которые тоже могли бы быть определены на важные должности, если бы «соответствовали современным требованиям службы».⁵² Многие султаны-правители ушли в отставку, им назначили пенсии в размере получаемого оклада (1200 рублей).

Таким образом, важнейшим инструментом интеграции казахской степи явилась кооптация представителей казахской элиты в систему управления.

ДИСТАНЧНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ

Неразработанность законодательства 1824 года по урегулированию взаимоотношений между приграничными жителями и кочевниками заставили российские власти искать новые формы и методы управления казахами Оренбургского ведомства. Кроме того, важно было начать изучение производительных сил региона, вести системный учет казахского населения, выявить дальнейшие маршруты продвижения русских войск в направлении Средней Азии. В 1831 году Оренбургский губернатор П.П. Сухтелен⁵³ (1830–1833) разработал и ввел в действие так называемую систему «дистанчного» управления в Казахской степи, а именно создание дробных территориально-административных структур – дистанций (административные участки между двумя крепостями). Согласно этой реформы, территория Западной, Средней и Восточной части Младшего жуза разделилась на прилинейные и степные дистанции. Наибольшее количество прилинейных дистанций было образовано в силу географического расположения в Средней части (13) и Западной (8). Наибольшее количество степных дистанций находилось в Восточной части, их число доходило до 21-й. Степные дистанции уступали по численности хозяйств, но превосходили по обширности кочевых участков.⁵⁴ Внутри каждой дистанций, напротив каждого форпоста или

52 *Доброемыслов*. Тургайская область. С. 460.

53 За реализацию этого проекта 9 апреля 1832 года оренбургский губернатор Павел Петрович Сухтелен «за отлично-усердную службу и неустанные труды по занимаемой должности и за примерную заботливость о благосостоянии вверенного ему края и войск» был награжден орденом Св. Александра Невского. Губернаторы Оренбургского края. С. 199.

54 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 210–215.

между крепостями образовывалась своеобразная административно-территориальная единица, возглавляемая местными начальниками из «почетных» казахов.

Введение дистаночной системы управления в Степи создало новые должности для представителей казахской элиты (султанов, биев и старшин) с жалованием от 50 до 75 рублей⁵⁵ и расширило сферу административного контроля над казахским населением. Кроме того, при дистаночных начальниках вводилась должность письмоводителя, занимавшегося вопросами делопроизводства.

Для урегулирования сферы занятий дистаночных и местных начальников, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс разработал «Особые правила», ставшие руководством в их практической деятельности.⁵⁶ В них четко была определена вертикальная система соподчиненности дистаночных начальников пограничной власти и султанам-правителям. Дистаночные начальники в соответствии с номером своей дистанции подчинялись командиру линейной дистанции (коменданту крепости), против которой располагались казахские кочевья, султану-правителю той части, на территории которой располагалась дистанция, Местные начальники определенной дистанции подчинялись дистаночному начальнику и султану-правителю. Все они были подотчетны перед председателем Пограничной комиссии и Оренбургским военным губернатором. При получении предписания непосредственно от султана-правителя, Пограничной комиссии или от оренбургского военного губернатора начальники должны были исполнять их «неукоснительно».

Функциональные обязанности дистаночных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «поданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но в каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того, никто не имел право самовольно не поселиться вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства. Дистаночные начальники имели право выслать своего соплеменника «...от вверенного им пространства», если он «...по каким бы то ни было причинам, не хотел или не признавал русскую власть».

В «Правилах» устанавливалась процедура принятия решений начальниками. Им строгойше запрещалось рассматривать иски местного населения без предписаний председателя Пограничной комиссии. При получении от подведомственных им казахов жалоб на линейных жите-

⁵⁵ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 3104, л. 1–4.

⁵⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 210–215.

лей, дистанционные и местные начальники должны были своевременно извещать пограничные власти, в противном случае они подвергались взысканию по всей строгости общероссийских законов.⁵⁷

Как мы видим, дистанционные и местные начальники стали новой социальной опорой российского правительства на пограничной линии для «наблюдения за порядком», «скорейшего доставления сведений обо всем случившемся» и «...исполнения предписаний начальства».⁵⁸ Региональные власти понимали, что только представители родовой знати, зная кочевой быт и места дислокации каждого рода, могут осуществить основную функцию – сбор кибиточной подати с казахского населения. Тем более, что казахи, останавливались против определенной крепости только на несколько зимних месяцев, а в весенне-летний период уходили за границу учрежденных дистанций согласно традиционным маршрутам кочевания. Их «заметное влияние» на подведомственных казахов и «усердие» нужны были для тактических действий правительства по продвижению вглубь Степи.

Кандидатуры на должность дистанционных начальников представляли в Пограничную комиссию султаны-правители соответствующих частей. При этом в своих ходатайствах они обычно отмечали такие качества, как «усердие к службе, способности, расторопность и отлично-хорошее поведение».⁵⁹

Оренбургская администрация подходила к назначению той или иной кандидатуры взвешенно, изучала полные данные претендента и считала, что нужна постепенность и последовательность «дабы выбор мог пасть на людей достойных и благонадежных». Одними из ярких примеров такого подхода являли собой султаны Асфендияр Сюгалин и Муртазагали Узбекгалиев – претенденты на должности начальников дистанции. Свои мнения об этих султанах представили в 1848 году три советника Оренбургской пограничной комиссии: И.М. Бикмаев, П.П. Ванев, К.О. Каминский. Они были единодушны в том, что А. Сюгалин и М. Узбекгалиев «русскому правительству преданы, как все султаны, кочующие при линии и занимающие должности».⁶⁰

Немаловажным фактором при назначении на эту должность являлись лидерские качества претендента, а именно степень влияния на своих соплеменников, умение убеждать, объяснять и направлять настроение подведомственных ему казахов к принятию «верного» решения. Не случайно о начальнике 48-й дистанции Алдимбай Байгузине, прослужившем на этой должности одиннадцать лет, Оренбургская администрация

⁵⁷ Там же. С. 212.

⁵⁸ ПСЗ РИ, т. 12, № 10384.

⁵⁹ О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 232. С. 75.

⁶⁰ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2500, л. 2–5 об.

писала, что «...дар слова на общественном сборе и в других делах, принесли существенную пользу» в выполнении им своих обязанностей.⁶¹

Прекрасное знание обычаев казахского народа, ум, ораторское искусство позволили начальнику 27 дистанции Восточной части казахов Оренбургского ведомства Наурузбай Казыбаеву, по мнению чиновника И.Я. Осмоловского, иметь «...огромное влияние» на подведомственное ему население.⁶² Советник Оренбургской Пограничной комиссии К.О. Каменский, описывая деятельность начальника 1-й дистанции, Муртазали Узбекгалиева, подчеркивал, что он имел влияние настолько сильное, что уважали и прислушивались к его наставлениям и не подведомственные ему казахи.⁶³

В некоторых случаях кандидатура, предлагаемая султанами-правителями, не утверждалась региональной администрацией. В частности султан Кулмухамед Баймухамедов был предложен султаном-правителем Западной части Мухамедгали Тяукин на должность начальника 31-й дистанции. Данная креатура М. Тяукина была отклонена из-за отсутствия опыта управления у К. Баймухамедова, огромной территории этой дистанции и многочисленности населения.⁶⁴

На каждого дистанционного начальника составлялся формулярный список, который включал все данные, характеризующие чиновника Российской империи. Послужные списки позволяют отследить и тот факт, что с середины 50-х годов XIX в. на должности дистанционных начальников стали утверждать лиц, окончивших школу для казахских детей при Оренбургском правлении. Одним из таких примеров явился Тохтамыш Косваков, выпускник школы 1850 г., начальник 57-й дистанции с 1860 года.⁶⁵ Конечно, учитывалась и специфика казахского кочевого общества, поэтому в послужные списки включались сведения о местах зимних и летних кочевков казахов, подведомственных данной дистанции. Важной строкой в послужных списках были получаемые награды чиновниками. Не случайно, российское правительство при назначении на должность обещало, что «не оставит без воздаяния» различного характера вознаграждений и чинов, но только при условии «...усердного служения».⁶⁶ Так, Дерби-сали Беркимбаева (1838–25.XI.1913), начальник 15-й дистанции Средней части казахов за успешный сбор кибиточной подати у казахов вверенной

61 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 74, л. 20б.

62 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 245. С. 149–150.

63 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 239. С. 84–85.

64 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 234. С. 78–79.

65 ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 3104, л. 1–4.

66 *Добромыслов*. Тургайская область. Т. 2. С. 395.

ему дистанции в течении 10 лет (1856–1861) был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте и поощрен серебряным ковшом для кумыса.⁶⁷

Должности дистаночных начальников просуществовали до введения административных реформ 60-х годов XIX в.

Младшие чиновники особых поручений

«Временное положение об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» от 21 октября 1868 г. изменило не только административную систему управления казахской степью, но и расширила штат должностных лиц. Взамен трех частей области оренбургских казахов и дистанций были созданные новые административно-территориальные единицы – Уральская и Тургайская области. Во главе областной администрации стоял военный губернатор, наделенный военной и гражданской властью. При военных губернаторах учреждались областные правления, включавшие соответствующие структурные подразделения. Чиновники особых поручений, непосредственно подчинявшиеся военному губернатору, входили в штат Секретного отделения. По штатному расписанию выделялись старший (1) и младший (2) чиновники особых поручений.⁶⁸ Должности младших чиновников особых поручений занимали представители казахского населения. Суть их деятельности сводилась к сбору информации, сведений о лицах находящихся под надзором полиции, разбору жалоб казахов на злоупотребление представителей местной власти, урегулированию земельных или иных конфликтов внутри кочевой общины, принятию мер «к сохранению спокойствия» в регионе и т. д. В 1869 г. на должность младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Тургайской области Л. Баллюэка был назначен Сейтжан Джантюрин, сын султана Ахмета Джантюрина. Он уже имел опыт административной работы, ибо с 1860 являлся заседателем от казахского народа в областном правлении оренбургскими казахами. С. Джантюрин находился на службе 21 год, дослужился от сотника иррегулярных войск до чина подполковника по армейской кавалерии.⁶⁹ 31 января 1881 г. он ушел в отставку по состоянию здоровья. Имел ордена св. Анны и св. Станислава 3-й степени.

С октября 1880 года младшим чиновником особых поручений при Тургайском областном правлении стал Баядил Кийкин, имевший уже более 35 летний стаж службы в региональном управлении.⁷⁰ Он прошел

67 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 104, л. 2.

68 *Крафт*. Сборник узаконений о киргизах степных областей. С. 27–28.

69 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 258, л. 1–5.

70 Ежегодное жалованье младшего чиновника особых поручений составляла 800 рублей. ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1893, л. 7–10.

путь от дистанционного начальника (1844), заседателя от казахского народа в областном правлении оренбургскими казахами (1857), помощника султана-правителя Средней части области оренбургских казахов (1861), управителя Буртинской волости Актюбинского уезда Тургайской области (1875–1878) до младшего чиновника особых поручений. За период своей службы был награжден деньгами, ценными подарками и золотыми медалями на Аннинской и Владимирской лентах, серебрянной медалью на Аннинской ленте.

Как мы видим, в обоих случаях на должность младшего чиновника особых поручений при военных губернаторах, назначались лица уже имевшие стаж административной службы, проявившие «усердие и преданность» при исполнении разных поручений.

Вероятно, что наличие двух младших чиновников особых поручений было недостаточно, так как в штат областных правлений была введена должность сверхштатного младшего чиновника особых поручений. Сверхштатные чиновники не получали жалования, но приобретали новые чины, ценные подарки и благодарности от правящей династии. Это были своего рода советники военного губернатора. Прекрасное знание ими быта и культуры казахского народа, достаточный опыт службы в региональной администрации, их «усердие и исполнительность», влияние, которое они имели на своих соплеменников позволяли региональной администрации приглашать их на эту должность и сделать их партнерами своей политики. К примеру, в 1902 г. Дербисали Беркимбаев стал старшим сверхштатным чиновником особых поручений при губернаторе Тургайской области.⁷¹ К моменту назначения Беркимбаев уже более 40 лет находился на службе: начальник 15-й, 23-й дистанций Средней части области оренбургских казахов (1860–1869); член организационной комиссии при введении «Временного положения...» в Тургайской области; младший помощник начальника Иргизского (1869–1873), затем Актюбинского (1873–1902) уездов.⁷² Более 30 лет Д. Беркимбаев проработал в системе уездного управления, дважды (1876 и 1881 гг.) выезжал в Санкт-Петербург в составе делегации от Тургайской области для представления Е.и.в. Д. Беркимбаев – кавалер орденов св. Станислава 2-й и 3-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Владимира 3-й степени, золотой медали на Анненской ленте. За свои заслуги на государственной службе Д. Беркимбаев решением Правительствующего Сената от 13 декабря 1900 г. был причислен к потомственному дворянству, которое было зафиксировано Оренбургским Собранием дворян за № 229.⁷³

Известным сверхштатным младшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Тургайской области был Бекмухаммед Карпы-

71 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 105, л. 5об.

72 ЦГА РК, ф. 25, оп. 3, д. 20, л. 57; д. 104; д. 105.

73 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 107.

ков (1840 г.р.). За период своей службы он получил три золотых и четыре серебряных медали для ношения на шее: на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах. А в 1890 г. был пожалован в звание личного почетного гражданина.⁷⁴

Должности сверхштатного чиновника особых поручений учреждались и при Оренбургском генерал-губернаторе. Одним из таких чиновников был в 1878 г. Сулейман Джигангирович Джигангиров (1809 г.р.), работавший до этого младшим помощником начальника Тургайского уезда.⁷⁵

При уездном правлении должности младших помощников уездного начальника также занимали представители казахского народа. Первым младшим помощником Илецкого (Актюбинского) уезда 1 января 1869 г. был назначен есаул Аймухамед Арунгазиев, потомок известного султана Арунгазы. Он прослужил на этой должности до 1873 г.⁷⁶

Младшим помощником начальника Иргизского уезда прослужил в течение шести лет (1873–1879) и Есет Кутебаров – руководитель национально-освободительного движения казахов 1856–1858 гг. Вероятно, региональные власти пригласили на эту должность влиятельного старшину, чтобы он не доставлял «беспокойства» в процессе реформирования Степи. Самое главное – хотели создать опору в реализации дальнейших планов в Степи в лице авторитетного человека, умеющего решать межобщинные и внутриобщинные вопросы, пользующегося уважением и влиянием у казахского населения. Такой альянс был успешным только на время. В ЦГА РК сохранилась докладная записка Е. Кутебарова к военному губернатору Тургайской области, генерал-майору А.П. Константиновичу от 4-го марта 1879 г.⁷⁷ Основанием этому письму стало распоряжение начальника Иргизского уезда, полковника Редькина от 7 января 1879 г. об увольнении Е. Кутебарова с должности младшего помощника. Е. Кутебаров считал увольнение незаслуженным, так как уездный начальник относился к нему предвзято, желал «постоянно стеснить» и «...в чем-либо очернить». В свою очередь, Редькин объяснял причину увольнения Е. Кутебарова преклонным возрастом и незнанием им русского языка, а это, по его мнению, способствовало тому, что «все дела оставались без всякого движения». Показательно, что региональные власти только через 5-летие службы Е. Кутебарова в уездной системе управления обратили внимание на возраст казахского батыра и незнание им русского языка. В данном случае, региональные власти поступали, исходя из интересов империи и тактических приемов власти на том или ином этапе интеграции Казахста-

74 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. док. № 360. С. 459–462.

75 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 263, л. 1–6.

76 ЦГА РК, ф. 25, оп. 3, д. 20, л. 57.

77 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 487, л. 14–15; 20–21.

на в состав империи. Военный губернатор Тургайской области А.П. Константинович (1878–1883) утвердил распоряжение уездного начальника, Е. Котебарову была назначена пенсия в размере 800 рублей в год. Младшим помощником Иргизского уездного начальника стал Абиль Тюлькубаев, состоявший до этого сверхштатным чиновником особых поручений при военном губернаторе Тургайской области.⁷⁸ Реально, российское государство стремилось распространить свое влияние насколько это возможно умеренным политическим путем, посредством привлечения влиятельных лиц на службу империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении XIX в. произошло изменение административного устройства Казахской степи и сложилась практика обязательного утверждения должностных лиц, начиная от султанов-правителей, дистаночных начальников, волостных и аульных старшин. Процесс этот не был однозначным. Российские власти, играя на честолюбии, противоречиях внутри различных групп казахского общества, обещая определенные льготы и привилегии создали новую систему управления в казахском обществе. Представители казахской знати тоже пытались сохранить свое влияние и власть, но уже под патронажем российской администрации. Казах, находясь на службе, приобретал чиновничий стиль, определенные управленческие методы и приемы и был способен адаптировать свой опыт к местным реалиям. В свою очередь, региональные власти строго контролировали деятельность и ограничивали претензии традиционной верхушки. Представители казахской знати, вступившие на службу, в основном являлись чиновниками 9–14-го классов, занимали канцелярские или исполнительные должности среднего или низшего звена. Карьера чиновника зависела от многих факторов, важнейшим из которых было происхождение, поэтому в основном это были представители казахской элиты-султаны, бии, старшины. Следующий фактор успеха карьеры казахского чиновника во многом зависел от усердия, исполнительности, дисциплинированности и, конечно, от способности лавировать между представителями региональной власти, установления личных контактов с начальством и т. д.

Многие казахские чиновники прошли карьерный путь от прапорщика до титулярного или коллежского советника. К концу XIX в. в чинах среднего звена уже преобладали лица со средним образованием, в то время как в низшем звене служили чиновники, обучавшиеся в волостных или аульных русско-казахских школах. Казахские служащие, работавшие в губернском правлении, находились в основном на должностях младших чиновников особых поручений, но в уездном управлении они мог-

78 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 846.

ли занимать и ответственные посты. К примеру, коллежский советник Тлеу-Мухамед Сейдалин, ярко выделявшийся среди других казахских служащих. Именно его региональная администрация дважды назначала на должность начальника Тургайского и Актюбинского уездов. И это было конечно исключением из правил.⁷⁹ Не случайно представители региональной власти характеризовали его как «выдающегося» казаха, понимающего «истинный смысл правительственных распоряжений».⁸⁰

Начальник Тургайского уезда Мамонов, характеризуя почти полувековую деятельность султана Т. Сейдалина (1855–1899) писал, что начало его служебной деятельности «относится к тому переходному периоду, когда от умения и такта людей, принадлежащих к составу администрации, зависел успех предпринятых русским правительством начинаний...» в Степи.⁸¹ Поэтому естественно, что казахские чиновники привлекались к участию во всех мероприятиях, проводимых региональной администрации в Степи: сопровождали в качестве переводчиков карательные экспедиции в период национально-освободительного движения казахов Оренбургского ведомства; командировались в Степь в период закладки военных укреплений: Уральское (1845), Оренбургское (1845), Раимское (1847) и т. д.;

принимали участие в Хивинских экспедициях В. Перовского (1839 и 1853 гг.); являлись проводниками научных экспедиций и торговых караванов; разрешали земельные споры между прилинейными жителями и казахами; входили в состав комиссий, создаваемых как региональными, так и центральными властями, по внедрению административных учреждений в степи или по урегулированию земельных споров между казахами и казаками и т. д.

Вместе с тем деятельность казахских чиновников была неоднозначной. Это были представители казахской элиты, европейски образованные, которые искали новые пути развития казахского кочевого общества в изменившихся условиях на рубеже XIX – начало XX вв. Будучи образованными чиновниками, участвуя в различных комиссиях не только в разработке или внедрения административных реформ, но и в качестве экспертов они впервые взглянули на казахов как единый «народ» (а не отдельные рода, племена, жузы) со своей единой особой культурой, историей, традицией, и осмыслили задачи, которые важны в целом для своего народа. Закономерно, что они проявляли живой интерес к истории, истокам

79 С 8.12.1890 – 5.04.1891 и с 1.08.1896 – 26.04.1897 – исполнял обязанности начальника Тургайского уезда. С ноября 1892 – июнь 1893 – обязанности начальника Актюбинского уезда. ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 764, л. 18–27.

80 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. С. 584–585.

81 Там же.

устного народного творчества казахов, где бы они ни работали. С. Джантюрин, М. Тяукин, братья Сейдалины, Б. Даулбаев и др. на протяжении всей своей службы собирали ценнейший материал о языке, литературе, верованиях и обычаях казахского народа. В результате их научных изысканий до потомков дошли богатейшие тексты казахских песен XVIII–XIX вв. и образцы их устного народного творчества, опубликованные в «Записках» Оренбургского отделения Русского географического общества, журнале «Вестник Евразии». Круг интересов султана-правителя М. Тяукина был широк: он поддерживал тесные связи с Казанским музеем древностей и этнографии, собирая для них изделия народного промысла и ремесла казахов, являлся корреспондентом Вольного экономического общества.⁸² Опыт научных изысканий, интерес к истории своего народа проявлялся и при исполнении ими своих служебных обязанностей. Показательным в этом плане явилась деятельность Т. Сейдалина.⁸³ Староста г. Актюбинска В. Мощенский писал в своих воспоминаниях, что Т. Сейдалин, будучи начальником Актюбинского уезда, положил начало комплексному изучению уезда и отчеты, составленные им, поражали не только глубиной мысли и умением быстро вникнуть в суть вопроса и дела уезда, но и стали «образцом» для последующих начальников уезда.⁸⁴

Примечателен штрих и в биографии чиновника особых поручений С. Джантюрина. Именно к нему, как человеку, знавшему историю и быт казахского народа, обратилось главное управление Российского коннозаводства с просьбой дать справку о развитии коневодства Тургайской области. К этому заданию С. Джантюрин отнесся, как серьезный исследователь. Опираясь на известные ему фактические данные о развитии кочевого хозяйства в Уральской, Тургайской областях и частично Внутренней Орды, он представил труд «Очерки киргизского коневодства», опубликованный в 1883 г. **«Журнале коннозаводство»**. Своим исследованием он внес заметный вклад в имевшиеся тогда представления о развитии скотоводства в Степи и стал постоянным корреспондентом управления Российского коннозаводства.⁸⁵

Важен и следующий аспект изучаемой проблемы. Деятельность казахских чиновников во второй половине XIX в. естественно пересекалась с деятельностью татарских переводчиков Оренбургской администрации. Они могли встречаться и работать в одних комиссиях, принимать

82 Именно в периодическом издании данного общества «Экономические записки» в 1861 г. была опубликована работа М. Тяукина «Записка о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской среде».

83 В 1870 г., в первом выпуске «Записки Оренбургского отделения РГО» была опубликована работа Т. Сейдалина «О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургай».

84 Мощенский В. Исторические материалы города Актюбинска // Актюбинский городской вестник. № 13–14.

85 ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 2166, л. 15.

участие в обсуждении вопросов административного устройства казахов Оренбургского ведомства, открытия учительских школ, медицинских учреждений в Степи, создание стипендиального фонда для казахской молодежи в учебных заведениях Казани, Уфы, Оренбурга, Троицка и т. д. К примеру, с июня по август 1870 года в работе особого комитета при оренбургском генерал-губернаторе, занимавшегося разработкой Правил об устройстве учительских школ для инородцев Оренбургского края принимали участие татарские переводчики Оренбургского губернского правления Сахиб-Гирей. Чанышев, Темир-Булат Еникеев и младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Тургайской области казах Сейтджан Джантюрин.⁸⁶

Кроме того, их объединял и исследовательский поиск, направленный на изучение истории и культуры своих народов. Так, казахские чиновники С. Джантюрин, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, татарский переводчик Мендияр Бекчуриин являлись членами Оренбургского отдела РГО.

Таким образом, деятельность казахских чиновников была многомерной и это ее качество оказывало само по себе влияние на характер их занятий и формирования первых просветительских программ, которые важны в целом для казахского народа

86 ЦГА РК, ф. 25, оп. 2, д. 257, л. 1об.